

Существует множество факторов и предпосылок, которые создали необходимость и возможность появления и существования религии. В современном обществе наблюдается явление деформации системы ценностей, наступление бездуховности, человек чувствует ограниченность своего существования. Наука не может ответить на многие тревожащие человека вопросы, технические достижения усиливают тревогу. Беспокойство вызывают экологические проблемы. Настроения разочарования, тревожного ожидания будущего, массовые страхи-питательная почва религии. Востребованность астрологии связана, прежде всего, с иррациональным ожиданием индивида, с другой стороны-стремлением к научной обоснованности.

Религиозные и астрологические концепции претендуют на объяснение реальных жизненных событий и на решение определенных задач, связанных практически со всеми аспектами жизнедеятельности человека. Нужны новые подходы для изучения религии и астрологии. Решение проблем астрологии на основе эмпирического знания не дают ответы на поставленные вопросы, более того, приводит к «омертвлению» астрологии. Многообразие явлений, и проявления, традиционных и нетрадиционных культов, вызывает определенные трудности в разработке современной концепции формирования целостного, вот почему так важно создать современную концепцию, которая отобразила бы в целостности религиозные и нерелигиозные мировоззрения, выявила специфические, только ей присущие характеристики. Многообразие явлений, изучаемых философией религии, социальной философией вызывает существенные трудности в изучении и систематизации. Стиль жизни и жизненный успех, жизненные неудачи, утрата профессиональных качеств, общая нестабильность на социопсихическом уровне выражается в новых феноменах, не свойственным предыдущим периодам. Появились нехристианские объединения, новая магия и спиритизм, возрождаются сатанинские группы, сайентологические религиозные организации ("Церковь сайентологии", космические религии и т.д.). Достаточно популярны неориенталистские культы ("Общество сознания Крины", "Трансцендентальная медитация", "Миссия Божественного света" и т.д.). Изменяется картина окружающего мира и личной системы ценностей, перевес стихийных элементов над регулирующими и контролирующими. Следует отметить, что в современном мире наблюдается фрагментарная подача любой информации об окружающем мире, такая информация ведет к неопределенности, внутренней дезорганизованности.

Изменение соотношения рационального, иррационального в сознании и подсознании отразилось на ведущих идеях и на мировоззрении в целом. Социальная экономическая дифференциация, кризис духовности требует нивелирование общественных отношений. Вот, почему так хорошо прижилось в обществе деление людей на 12 знаков Зодиака, которое не зависит от социального положения человека. Религиозные идеи

манifestируют равенство человека перед Богом и воздаяние за совершенные поступки каждого человека, независимо от возраста, статуса, материального положения. Человеку необходимо видеть жизнь предсказуемой и упорядоченной, астрология и религия по-своему помогает установить границы допустимого и возможного, построить основу жизнедеятельности- жесткую систему порядка. Таким образом, удовлетворяется потребность в структурировании.

Список литературы: 1. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академич. Проект, 2002. – 832с. 2. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер.с англ. – СПб.: Логос, 2002.–325с. 3. Яковлев А.М. Социальная структура общества. – М.: Из-во «Экзамен», 2003. –384с. 4. Рэдклифф-Браун А. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц Кучково поле, 2001. – 416с. 5. Основы религиозведения: Учеб./ Ю.Ф. Борунков. – М.: Высш.шк., 2000. – 480с. 6. Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. – М.: Мысль, 1989. – 285с.

Поступила в редколлегию 10.01.06.

УДК 572

В. М. МЕШКОВ, канд. филос. наук, доцент

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ - РЕЛИГИЯ ОБРЯДА ИЛИ ТОТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ УСТРЕМЛЁННОСТЬ К БОГУ?

Між філософами, культурологами, істориками розповсюджене спрощене уявлення про російське Православ'я XV – XVII ст. як релігії обрядовості. В статті показано, що в цей період православне віросповідання російських людей було дуже інтенсивним, визначало метафізичну спрямованість російського духу. Російське Православ'я XV –XVII ст. формувало суттєво відмінний від західного тип благочестя, основу якого складала тематична структура „Страха Божого”, „покаяння”, „упокорення” і т. ін.

Среди философов, культурологов, историков распространено упрощенное представление о русском Православии XV-XVII вв. как религии обрядности. В статье показано, что в этот период православное вероисповедание русских людей было очень интенсивным, определяло метафизическую устремленность русского духа. Русское Православие XV – XVII вв. формировало существенно отличный от западного тип благочестия, основу которого составляла тематическая структура «Страха Божьего», «покаяния», «смирения», «сокрушения сердца» и др.

Many Russian scholars, studying Philosophy, Culture, and History, keep the simplified view considering the Russian Orthodoxy of the XV-XVII c. to be a religion of rites and rituals. In the essay it is shown that the Orthodox profession of the Russian people in this period was very intensive and defined the metaphysical concentration of the Russian mentality. In the Moscow Russian State there was formed a type of godliness based on the thematic structures such as the 'Fear of God', 'Penitence', 'Humility', 'Contriteness of heart', etc., and which was substantially different of the Western one.

Процесс просвещения в России привел к утрате глубокого, сокровенного, православного чувства метафизической связи с Богом. Эта болезнь русского духа, как эпидемия, быстро распространилась в среде

дворянства и разночинцев. Непросвещенный народ эту метафизическую связь не потерял. Русские интеллигенты от А. Пушкина до Л. Толстого за небольшим исключением заняли позицию «внешнего наблюдателя» по отношению к русскому Православию. Место субпространства Святой Руси как предельной реальности в их мировоззрении заняла тема «России». Что удивительно, русская интеллектуальная элита перестала видеть Святую Русь! Русское Православие в их интерпретации превратилось в нечто, что полноценной религией назвать нельзя. В подтверждение сказанного приведем несколько показательных высказываний творцов и представителей парадигмы «русской культуры XIX века». В «Очерках по истории русской культуры» (т. 2, ч. 1) П.Н. Милоков приводит оригинальную оценку русской народной веры Н.И. Костомаровым, полагавшим, что раскол был явлением новой, прогрессивной, а не древней жизни. Н.И. Костомаров так пишет о православной вере русских до раскола: «В старинной Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ею... В старинной Руси обряд был мертвой формой и исполнялся плохо... В старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих...» [8, с. 159]. А сам П.Н. Милоков заключает: «Если и можно спорить против выражений, в которые историк облек свою мысль, то самую мысль нельзя не признать совершенно справедливой. Сравнительно с небольшой группой просвещенных представителей русской церкви раскол мог быть явлением отсталым. Но он был большим шагом вперед для религиозного самосознания прежде совершенно индифферентной народной массы» [8, с. 159].

С. Князьков в своей книге, посвященной истории Петра Великого и изданной в 1914 г., дает такую характеристику Русской церкви накануне петровских преобразований: «Редко на высокой чреде святителя встречаются в те времена люди сильные духом, святые по жизни» [7, с. 425]. «Ничего отрадного в смысле высоты жития, какую требует священный сан, не находилось и в среде низшего духовенства. Священники в огромном большинстве не только не могли «наизусть проповедовать догматы и законы св. Писания», но, как и в XV в., многие еле грамоте умели» [7, с. 425]. «Невежественные священники грубо и невежественно относились к своим обязанностям. Церковные службы у таких пастырей совершались небрежно или даже совсем не совершались» [7, с. 425]. «Драки в алтаре из-за молебна, т. е. из-за денег за молебен, побои семейных, не исключая и родного отца, подлоги и плутовство всякого рода – вот в какой рамке рисуется обычный образ пастыря и учителя петровских времен» [7, с. 426].

Мы не будем разбираться в достоверности или неточности приведенных выше высказываний. Мы привели их для того, чтобы показать, что к концу XIX в. (скорей всего значительно раньше) в дворянско-разночинной среде сложился упрощенный образ русского Православия как примитивной, недоразвитой религии. В этом смысле очень показательна позиция Л.Н. Толстого. В своей книге «Путь жизни» в разделе «О внешнем

благочинии» он пишет: «Для истинной веры не нужно ни храмов, ни украшений, ни пения, ни многолюдных собраний» [11, с. 15]. «Царство Божие придет к нам тогда, когда церковная вера с чудесами, таинствами и обрядами заменится верой разумной, без чудес, таинств и обрядов. Время это приближается. Вера эта еще в зародыше. Но зародыш не может не разрастаться. Будем же ждать и работать для того, чтобы время это скорее пришло. По Канту» [11, с. 15]. Уточнение Л.Н. Толстого в последнем размышлении «По Канту» свидетельствует в явном виде, что его взгляд на веру и религию – это взгляд западного человека. Для глубокого мыслителя Л.Н. Толстого русское Православие было совершенно чужим, закрытым и непонятым.

Примечательно, что в текстах о Серебряном веке русской культуры не находится места для русского Православия. Его якобы заменила русская религиозная философия, которая имеет такое же отношение к русскому Православию, как футбол к баскетболу. Между тем тот, кто следит за нарастающим издательским бумом Русской церкви, без труда увидит, насколько высокий духовный подъем был в этой области в XIX – начале XX вв. В духовных академиях и за их пределами делались высокопрофессиональные переводы древних текстов, публиковались фундаментальные исследования, не потерявшие своей актуальности и по настоящее время. Феофан Затворник, И. Брянчанинов, И. Кронштадский, Валаамские, Саровские, Оптинские старцы и другие составили яркую плеяду носителей просвещенного православного русского духа. Русская интеллигенция за небольшим исключением ничего этого не видела. Не видит и сейчас.

Такой ли примитивной была русская православная вера? Обратимся к анализу русского православного обряда. Прежде всего, следует отметить уважительное отношение к русскому церковному обряду высокомерных европейцев. Из их текстов видно, что значительно большая строгость русского православного обряда по сравнению с западным обрядом и искренность русского благочестия вызывали у них почтение. Подтверждение нашей мысли мы находим в суждениях очень наблюдательного С. Герберштейна. Он пишет, что монастыри в Москве «имеют весьма суровые законы и уставы, которые, впрочем, постепенно смягчаются и подвергаются забвению. Они не смеют позволить себе *никаких увеселений* (выделено мною – В. М.). У кого будет найдена цитра или другой музыкальный инструмент, того подвергают весьма тяжкому наказанию. Мяса они не едят *никогда* (выделено мною – В. М.)» [2, с. 91]. «*Очень многие* (выделено мною – В. М.) удаляются из монастырей в пустынь и строят там хижины, в которых селятся или по одному, или с товарищами. Пропитание себе они добывают от земли или деревьев, т. е. корни и древесные плоды. А называются они столпниками. Stolp означает то же, что «колонна»; они поддерживают столбами свои узкие, вытянутые в высоту домики» [2, с. 91].

Примечательно, что для Западного христианства эти формы православного подвижничества были так далеки, что С. Герберштейн ограничился их внешним описанием, не разобравшись по сути, а его понимание столпничества может вызвать лишь улыбку. «Некоторые же принимают пищу, — пишет он о постах в Московии, — по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам, а воздерживаются три дня. Есть *очень много* (выделено мною — В. М.) и таких, которые в понедельник, среду и пятницу довольствуются куском хлеба с водой. Остальные посты в году они соблюдают не так строго» [2, с. 105]. Об искренности русского благочестия С. Герберштейн пишет: «Исповедуются около праздника пасхи с великим сердечным сокрушением и благоговением» [2, с. 101].

Таким образом, упрощенное и снисходительное отношение к религиозному обряду как важнейшей особенности русского Православия XV–XVII вв. сформировалось не среди европейских наблюдателей тех времен, а в сообществе русских интеллектуалов XVIII–XIX вв., когда европейский рационализм и индивидуализм подвергли коррозии их православное вероисповедание.

Но наиболее полное и объективное описание русского Православия мы находим в «Путешествии антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века», описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Среди всех внешних наблюдателей русской жизни в допетровской Руси Павел Алеппский занимает особое место. Он был православно ориентированным, доброжелательно настроенным повествователем, которому русские власти предоставили большую свободу в общении и передвижении. Ему были открыты те стороны русской жизни, которые были закрыты для европейцев. Его большой по объему труд фактически представляет собой совокупность дневниковых записей, которые он вел во время путешествия, объективно фиксируя увиденное и сопровождая его своими оценками. Примечательно, что этот важнейший письменный источник, дающий достоверный и уникальный материал о России середины XVII века, особенно о русском Православии, не вызывает интереса у российских историков вплоть до настоящего времени. Антиохийского архидиакона восхищает искренность русского благочестия: «Вот как миряне входят в церковь, сначала каждый делает несколько земных поклонов, затем кланяется присутствующим, хотя бы их было много, на восток и запад, север и юг. Так же и дети, большие и малые, знают этот обычай и делают (земные) поклоны и кланяются присутствующим даже с большею ласкостью, чем мужчины. Что касается их крестного знамения, то достаточно назвать его московским: оно совершается ударом пальцев о чело и плечи. С начала службы до конца они не прекращают своих поклонов, отбивая их один за другим. [9, с. 198].

В описаниях П. Алеппского перед нами открывается смиренное лицо русского царя в моменты глубокого религиозного переживания в единении

со своим народом: «*Усердие всех московитов, больших и малых* (выделено мною — В. М.) к посещению церкви весьма велико, и любовь их к непрерывным большим поклонам и к иконам *выше всякого описанию; множеством своих молитв они превосходят, быть может, самих святых, и не только простолудины, бедняки, крестьяне, женщины, девицы и малые дети, но и визири, государственные сановники и их жены* (выделено мною — В. М.). Если обладают такими добродетелями, как мы раньше о том упоминали, царь и царица, кои стоят во главе подданных, то каковы же должны быть эти последние? [9, с. 329–330].

Критики русского Православия допетровской Руси, говоря об обряде как плохо исполненной мертвой форме, как о многолюдном собрании, почему-то не обращают внимания на то, что русское богослужение требовало от верующего большого мужества и физической выносливости. Антиохийским гостям русский обряд оказался не по силам. П. Алеппский так описывает литургию в память преставления св. Петра: «Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли из церкви лишь при восходе солнца, умирая от усталости и стояния на ногах от 9-го до 16-го часа. В эту ночь мы столько натерпелись от сильного холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на железных плитах: Бог свидетель, что душа чуть не покинула нас. Что касается меня, бедного, то я хотел выйти и убежать из алтаря, но не мог, ибо царь стоял перед южными дверьми, а царица перед северными, так что поневоле пришлось страдать... Более всего нас удивляло, что дети и малютки, и притом не простолудинов, а вельмож, стояли с непокрытой головой, неподвижно и не шевелясь, как статуи. Какая выносливость! Какая Вера! Вот нечто из того, что мы могли бы сказать о всеночных бдениях в стране московитов, известных всюду. Спустя час после нашего выхода из собора зазвонили колокола, и мы опять вернулись туда измученные, умирая от усталости, дремоты и холода... Пришла царица, а после нее царь» [9, с. 482]. В другом месте он пишет: «Патриархи простились друг с другом, и мы в санях возвратились в свой монастырь, пораженные и измученные выносливостью и усердием, присущими этому народу от царя до малых детей, ибо мы вошли в церковь, после того как часы пробили три, а вышли только в десятом часу. Таким образом, мы простояли с ними на ногах целые семь часов на железном полу, при сильном холоде и пронизывающей сырости. Но мы черпали себе отраду в том, что видели у это народа. Мало было патриарху продолжительной службы и длинного синаксария: он еще прибавил в конце проповедь и многие поучения. Бог да даст ему чувство меры! Он не пожалел царя, ни даже нежных детей. Я хотел бы знать: что бы у нас сказали и стали ли бы терпеть...» [9, с. 358]. «Вещи, достойные изумления! Каких удивительных обычаев и поразительных подвигов мы были свидетелями среди этого народа! Что за крепость в их телах, и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются. Всевышний Бог да продлит их существование» [9, с. 395].

Антиохийский архидиакон замечает, что москвиты в своем религиозном усердии сами усиливают строгость обряда: «Мы дивились на порядки в их церквах, ибо видели, что все они, от вельмож до бедняков, прибавляли к тому, что содержится в законе, канонах и постановлении типикона, прибавляли постоянные посты, неуклонное посещение служб церковных, непрестанные большие поклоны до земли даже по субботам и воскресеньям, хотя это не дозволено, пост еженедельный почти до девятого часа или до выхода от обедни, а не так, как повелевает закон поститься только по средам и пятницам. Выходит они (из церкви) в одно время, будет ли это в воскресенье, или в господский праздник, или в будний день» [9, с. 233].

Таким образом, из повествования Павла Алеппского мы видим, что православное вероисповедание русских людей в середине XVII века было очень интенсивным, было энергетическим центром жизненного мира. Православная вера выстраивала всю систему ценностных отношений, которая существенно отличалась от европейских приоритетов. Почему москвиты в XV–XVII вв. были так сильно набожны?

Страх Божий и своеобразие русского благочестия

Не существует не только единого христианства, но и унифицированного, однородного Католицизма и Православия. В процессе обращения народа в какую-либо религию происходит не только кардинальная перестройка его ментального пространства, но и частичная трансформация базового религиозного комплекса под воздействием национальных традиций. Поэтому при всем догматическом, культовом, организационном единстве, например, Католицизма и Православия можно говорить о бразильском, испанском, итальянском Католицизме и соответственно грузинском, русском, украинском Православии как своеобразных ментальных реальностях. Их религиозные ментальные пространства отличаются тематической структурой. Эти обстоятельства еще мало изучены.

По нашему мнению, своеобразие русского Православия XV–XVII вв. как ментальной реальности в значительной степени определяли темы «Страха Божиего» и «Страшного Суда». В христианском вероучении эти темы занимают основополагающее положение. Однако в отдельные периоды жизни Церкви в массовом сознании они нередко превращаются в декларацию. Так, в католической Европе в этот же период рост индивидуализма и духа наживы отодвинули Страх Божий на второй план христианского сознания. Грамоты об отпущении грехов в народе шли нарасхват. Каголики от простолюдина до римского папы надеялись бумажкой прикрыть свои грехи перед всевидящим оком Господа. Для москвитов же Страх Божий и Страшный Суд имели истовый характер. В первом послании Ивана Грозного А. Курбскому раскрывается определяющая

роль идеи Страшного Суда в религиозном мирозерцании. «Я же верю в Страшный Суд господень, – пишет он, – когда будут приняты души человеческие с телами, с которыми совместно творили, и судимы будут за свои дела и все вместе и нераздельно – и цари, и последние из рабов, словно братья, будут спрошены, каждый за свои поступки.... Я же знаю и верю, что тем, кто живет во зле и преступает божьи заповеди, не только там мучиться, но и здесь суждено испить чашу ярости господней за свои злодейства и испытать многообразные наказания, а покинув этот свет, в ожидании праведного господского суда, претерпят они горчайшее осуждение, а после осуждения – бесконечные муки. Так я верю в Страшный Суд господень» [10, с. 148–149]. Патриарх Никон свое знаменитое письмо царю Алексею Михайловичу заканчивает такими словами: «Свидетельствую своею бедною рукою и Страхом Божиим» [10, с. 522]. В нравоучениях Сильвестра в «Домострое» ссылки на Страх Божий и Страшный Суд имеют первостепенное значение. «Поучай наедине, – пишет он, – да, поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев своих учи Страху Божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного Суда. Если станете жить по нашему поучению и по этому написанию, великую благодать от Бога получите и вечной жизни удостоитесь с домочадцами своими» [3, с. 165].

Святитель Феофан Затворник метко назвал Страх Божий «зарей жизни, а также стражем и охраной благодатного состояния» [5, с. 398]. Один из крупнейших метафизиков Восточного христианства Ефрем Сирийский так пишет о Страхе Божием как непрременном условии бытия христианина: «Блажен тот человек, который имеет в себе Страх Божий. Он явно убожается и Святым Духом.... Кто боится Господа, тот подлинно, вне всякого вражеского ухищрения, избежал всех козней врага. В ком есть Страх Божий, тот удобно спасается от умыслов злокозненного врага. Враг ни в чем не уловляет его, потому что он из страха не допускает до себя плотских удовольствий. Кто боится, тот не парит умом туда и сюда, потому что ждет своего Владыку» [13, с. 62–63]. Воскрешение в себе Страха Божиего устанавливает постоянные напряженные отношения с Богом, «благоговейное стояние пред Богом в сердце» [5, с. 398]. «Чувство священного страха, – пишет святитель Игнатий Брянчанинов, – чувство глубочайшего благоговения к Богу, указывается нам, с одной стороны, необъятным величием Существа Божия, с другой – нашей крайней ограниченности, нашей немощию, нашим состоянием греховности, падения» [1, с. 56]. Страх Божий с необходимостью приводит к сокрушению сердца верующего, его покаянию и смирению. «Страх Божий делает то, – пишет Симеон Новый Богослов, – что человек становится поправлением всех людей, а когда сотрется вконец гордыня его и тщеславное мудрствование плоти его, тогда ниспадает на него свыше мысленный камень, легчайший и благий, то есть святое смирение, выжимает из него всю сырость плотских удовольствий и страстей и делает

благоугодною и добротною душу, таким образом смирившуюся и сокрушившуюся» [12, с. 151]. Согласно преподобному Макарию Оптинскому, «начало нашего спасения состоит в искреннем сознании своей греховности и проистекающем отсюда самоукоренении и смирении себя пред Богом и людьми» [4, с. 729].

Русское Православие XV–XVII вв. формировало существенно отличный от западного тип благочестия, основу которого составляла тематическая структура «Страха Божиего», «Страшного Суда», «покаяния», «смирения», «сокрушения сердца» и другие. Для русских людей она предстояла в образе святых и многих близких к святости людей. Эта ментальная реальность была главной, определяющей в их жизни. До настоящего времени она еще не стала предметом систематического анализа.

Эта ментальная реальность, составляющая сердце русского духа, была порушена Петром I. В начале XIX века, когда русская культура начала приобретать рефлексивный характер, когда взор русского человека обратился к собственной истории, к познанию самого себя, эта ценностно-мыслительная реальность представлялась русским интеллектуалам как чужая, примитивная и поэтому недостойная, чтобы стать предметом исследования. С начала XIX века и по настоящее время деятельность российских интеллектуалов по существу сводится к применению более или менее успешно модернизированных теоретических схем западной науки к русскому материалу. К анализу же допетровской Руси эти понятия большей частью оказываются мало эффективными, потому что не улавливают в свои концептуальные сети русского православного бытия, и поэтому исследование всякий раз оказывается односторонним, неполным, изучающим лишь негативную сторону русской жизни, его социальное бытие. Так, в речи В.О. Ключевского «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства», произнесенной на собрании Московской духовной академии, оценка великого русского святого сводится к нравственному, духовному пробуждению русского народа, которое стало залогом возрождения и в других областях русского общества. Эту сторону он раскрыл убедительно и удачно. Но В.О. Ключевский даже не прикоснулся к главному, самому важному творению Сергия Радонежского – возрождению русского монашеского движения, образовавшего пространство Святой Руси, которое стало фундаментальной реальностью русского духа в Московской Руси.

В речи «Добрые люди Древней Руси» В.О. Ключевский рассказывает о благотворительной деятельности зажиточной вдовы-помещицы Ульяны Устиновны Осорьиной и дворецкого царя Алексея Михайловича Федора Михайловича Ртищева, на примере которых мы увидим своеобразие русского типа благочестия. Любовь к ближнему в русском обществе выражается в идее милостыни, в нищелюбии. В голодные годы Смутного времени Ульяна раздала голодающим все свое имущество. Она дошла до последней степени нищеты, что ей не в чем было выйти в церковь. Израсходовав весь хлеб,

Ульяна объявила своим крепостным, что отпускает их на волю. Многие отказались от воли и объявили, что скорее умрут со своей госпожой, чем покинут ее. Ф.М. Ртищев, будучи одним из ближайших советников царя, отличался полным отсутствием самолюбия, не понимал обиды и мести. Свою жизнь он посвятил служению страждущим и нуждающимся людям: выкупу русских пленных у татар, помощи иноземным пленным, жившим в России, узникам, сидевшим в тюрьме. «Никто не считал, ни один исторический памятник не записал, – справедливо отмечает В.О. Ключевский, – сколько было тогда Ульян в Русской земле и какое количество голодных слез утерли они своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тех и других, потому что Русская земля пережила те страшные годы, обманув ожидания своих врагов» [6, с. 85].

Сокровенное переживание непосредственной связи с Богом было основой русского благочестия. Примечательно, что борьбу против идеи милостыни, нищелюбия на Руси развернул Петр I. Однако здесь не нужно забывать о дуалистической природе русского духа. Русским «гуманистам» в Смутное время (как и во все времена) противостояли «хищники», для которых дух наживы не имел тормозов. В неурожайные годы они искусственно создавали нехватку зерна на рынке, всячески способствовали повышению цен на хлеб и не шли ни на какие уговоры царя и патриарха ради получения огромных барышей. В истории Ульяны Осорьиной примечательно также то, что многие ее крепостные предпочли человеческие отношения с ней православной христианской, отказавшись от вольной – от личной свободы. Для западного человека это странное явление русской жизни.

Таким образом, сведение русского Православия XV–XVII вв. к формальному исполнению обряда, к суеверию малограмотных людей является очень большим искажением действительной православной веры русского народа, которая основывалась на непрерывном осознанном стоянии перед Богом. В настоящее время мы наблюдаем возрождение этой веры в русском народе. Как и в XV–XVII вв. в зыбком, расшатанном, полном насилия жизненном мире вера становится наиболее прочной опорой российских людей, христиан, мусульман, буддистов и других.

Список литературы: 1. *Брянчанинов И.* Полное собрание сочинений. В 6ти т. – Т.2. – М., 2001. 2. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988. 3. *Домострой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века / Общ. Ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М., 1985.* 4. Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского. – М., 1997. 5. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. – М., 1995. 6. *Князьков С.* Очерки по истории Петра Великого и его времени. – М., 1990. 7. *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. – Т.2. – М., 1990. 8. *Павел Алепский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. – М., 2005. 9. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л., 1979. 10. *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – М., 1993. 11. *Симеон.* Новый Богослов. 12. *Сирин Ефрем.* О покаянии. – М., 2002.

Поступила в редколлегию 14.03.06